

Динамические изменения концепта *любовь* в современных коммуникативных жанрах (на материале интернет-коммуникации)

Dynamic Changes of the Concept 'Love' in Modern Communicative Genres (On the Material of Internet Communication)

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-63-76

Получено: 05 октября 2024 г. / Одобрено: 19 ноября 2024 г. / Опубликовано: 26 декабря 2024 г.

Su Heqing

Аспирант,
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6,
e-mail: cyhevuh.27@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-8868-3813>

Su Heqing

Postgraduate student,
Pushkin State Russian Language Institute,
Ac. Volgin str., 6 Moscow, 117485, Russia,
e-mail: cyhevuh.27@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-8868-3813>

M.S. Milovanova

Доктор филол. наук, профессор,
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6,
e-mail: HYPERLINK "mailto:MSMilovanova@pushkin.
institute"MSMilovanova@pushkin.institute

M.S. Milovanova

Doctor of Philology, Professor,
Pushkin State Russian Language Institute,
6, Ak. Volgin str., Moscow, 117485, Russia,
e-mail: HYPERLINK "mailto:MSMilovanova@
pushkin.institute"MSMilovanova@pushkin.institute

Аннотация

Статья посвящена исследованию изменения концепта «любовь», специфике его функционирования в современной русской коммуникативной среде. Основная задача работы состоит в изучении динамики концептуального употребления в новых контекстах (интернет-коммуникация) и основных признаков употребления концепта «любовь» в различных жанрах. Методология исследования: анализ семантического наполнения, смыслового объема и языковой экспликации, апробированных в кандидатских диссертациях Нижегородской научной школы когнитивной лингвистики; методы лингвистического наблюдения и дискурс анализа, сравнения, описания, интернет-мониторинг. Результаты. В результате исследования установлено, что изменения в ценности употребления концепта «любовь» связаны с развитием структуры семейных отношений и новыми связями между понятиями «любовь» и «секс», перечислены формы проявления концепта «любовь», прослежена динамика употребления слова «любовь» на лексико-семантическом и лексико-фразеологическом уровнях как в советский период, так и в современности. Научная новизна. Помимо новых проявлений концепта в оживленной массовой сетевой среде дискурса, уделено внимание и проанализированы тексты, включающие креолизованные формы. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в качестве справочного материала для различных современных исследований в области коммуникативного и дискурсивного анализа.

Ключевые слова: концепт «любовь», интернет-коммуникация, жанры речи, корпусный анализ, лингвокультурология, аксиосфера.

Abstract

This article is devoted to studying the changes in concept 'love' and the specifics of its functioning in the modern Russian communicative environment. The Aim of the paper is to study the conceptual use dynamics in new contexts (Internet communication) and the main usage features of the concept 'love' in different genres. Met-ho-do-logy and re-se-arch met-hods: analyses the semantic filling, semantic volume, and linguistic explication, approved in the PhD theses conducted by the Nizhny Novgorod scientific school in cognitive linguistics; linguistic observation and discourse analysis methods; comparison, description; Internet monitoring. Results. As a result of the research, it was established that changes in the usage value for concept 'love' are connected with the family relations structure development and new connections between the concepts 'love' and 'sex'; we listed the forms of concept 'love' manifestation, traced dynamics in word 'love' usage at lexico-semantic and lexico-phraseological levels both in the Soviet period and in modern times. Scientific novelty. In addition to new concept manifestations in a vibrant online network discourse environment, attention is paid to and texts including creolised forms are analysed. The practical significance of the study consists mainly of the fact that the obtained results can be used as reference material for various current studies in communicative and discourse analysis.

Keywords: concept 'love', Internet communication, speech genres, corpus analysis, linguoculturology, axiosphere.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта China Scholarship Council (CSC)

Введение

Концепт как «сгусток культуры в человеческом сознании» [46, с. 40], являясь ключом для культурных и лингвистических исследований, включает в себе знание носителей разных языков и культур о различных явлениях и событиях, а в содержании таких концептов, как *любовь, свобода, истина* и т.д., отра-

жаются лингвоспецифичные и ценностные установки носителей языка, которые отражают наш взгляд на мир. Концептуальный анализ направлен «на выявление некоего экстралингвистического, ментального или культурного, феномена посредством интерпретации исходных языковых данных» [36, с. 30]. Ценности и эмоциональные потребности людей

постоянно меняются, так что символическая составляющая концепта *любовь*, т.е. ее формы выражения/проявления находятся в состоянии активного изменения. Проанализируем процесс перехода с точки зрения лингвокультурологии, коммуникативистики (влияние соцсетей и социальных медиа) и когнитивной лингвистики, поддержим смысловые и ценностные перестановки, произошедшие в осмыслении понятия в современной среде. Изучение современных активных языковых процессов «обязательно включает элементы микродиахронного анализа» [21, с. 611]. Действительно, за короткий промежуток времени в сетевой дискурсивной среде появились совершенно новые формы выражений, и они чаще всего используются в новых коммуникативных жанрах. Помимо новых проявлений концепта, воплощенных в живой дискурсивной среде, анализ креолизованных текстов как новых способов выражения заключается в том, что эти визуально-знаковые формы выражения также играют немаловажную роль в сетевой коммуникации. В работе через призму концептуального анализа будет показано преобразование ценностных ориентаций, декларируемых концептом *любовь*, в новых коммуникативных условиях.

Обзор литературы

Концепт как важный научный термин, фиксирующий знание на стыке культуры и языка, содержит безграничный исследовательский потенциал. История изучения концептов началась в XX в. (Лихачев, 1993) и продолжается сегодня — прежде всего, в рамках лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурс-анализа. Возникла отдельная отрасль языкознания — концептология, посвященная выявлению общенародной подсознательной сущности через изучение концептов [17, с. 5]. Благодаря научным работам Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова термин «концепт» стал общепринятым в лингвистической литературе с начала 1990-х гг. [29, с. 1373]. Ю.С. Степанов характеризует концепт как «культурно-ментально-языковое образование»; «пучок представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово» [46, с. 14].

В работах Ю.С. Степанова методы концептуального исследования были систематизированы в русле тенденции к комплексному поиску (сложная структура — *многослойность* концепта). Утверждается история формирования концептов, которая мотивирует основные признаки его текущего состояния (содержание, представление, оценки). В результате энциклопедического изучения каждого слова (имя концепта) Ю.С. Степанов дает представление о каждом репрезентативном русском концепте: он исследует и уточняет на уровне этимологического анализа пер-

вичные семантические связи слова, влияющие на его современное содержание и содержание концепта и отмечает важность выявления «социальной стороны» концепта для «новейшего, наиболее актуального и активного слоя» [47, с. 57].

В рамках когнитивной лингвистики представители Воронежской школы З.Д. Попова и И.А. Стернин внесли важный вклад в исследование концептов: они акцентируют внимание на важности образа и метафоры, подчеркивают необходимость соответствующего образа, близкого к «прототипу» концепта, т.е. образа типичного представителя класса, категоризируемого концептом [26, с. 72]. Ученые аналогизируют структуру концепта со смысловым содержанием слова (система семантических признаков), различают концепт и значения: «Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — многие значения» [26, с. 59]. В связи с этим для дальнейшего выявления концептосферы возможно использовать экспериментальные методы — анкетирование, сбор ассоциатов и обработка данных, свободный ассоциативный эксперимент [26, с. 115]. «Когда концепт получает языковое выражение, то языковые средства, используемые для этого, выступают как средство вербализации [...] языковой объективации концепта», и для этого могут использоваться «готовые лексемы и словосочетания», «свободные словосочетания», предложения со структурными и позиционными схемами, «тексты и совокупности текстов» [26, с. 38]. Таким образом, результаты вербализации концепта могут быть проанализированы с прагматической и грамматической точек зрения через такие единицы, как предложение и текст.

Подход лингвокультурологический к изучению концептов реализуется представителями Волгоградской/Московской школы изучения концепта — В.И. Карасиком и Г.Г. Слышкиным. Подчеркивается, что между языком и сознанием существует «двусторонняя связь (категории сознания реализуются в языковых категориях и в то же время детерминируются ими)» [15, с. 76]. В.И. Карасик определяет концепт как *многостороннее смысловое образование*, в котором можно выделить минимум три составляющие: понятийную, образную и ценностную [14, с. 105]. Символическая составляющая рассматривается на основе семиотики: знак синтезирует метафорическую и оценочную перспективы. Наблюдаемая в лингвокультурологии тенденция к большему становлению концептов объясняется прикладной стороной лингвистического знания в дисциплине, закодированного «во всем богатстве значений слов» как средство сосредоточения на «осмыслении коллективного опыта», находящего выход в практике рекламного и по-

литического влияния и пронизывающего коммуникативную среду массовой информации [14, с. 73].

С.Г. Воркачеву принадлежит значительное количество работ, в которых используется сравнительно-сопоставительный метод исследования [6]. В рамках созданной С.Г. Воркачевым научной школы исследования изучение концептов проводится на материале разных языков в их сопоставлении (русский и испанский, русский и французский), концепт исследуется в паре противоположным или, напротив, близким концептом (*любовь—ненависть, любовь—стремления* и др.) в рамках одного языка или в варианте сопоставления [4; 6; 10]. Были отмечены и другие способы изучения в Санкт-Петербургской/Кемеровской школе когнитивных исследований, например, взгляд со стороны других носителей языка, обладающих языковым и культурным опытом, в том числе описание стереотипов, присущих той или иной лингвокультуре [23, с. 20].

В Нижегородской концептологической школе разработан комплексный принцип комплексного описания концептов: такой методологический подход предусматривает анализ компонентов единой семиосферы национальной культуры, включая мифологию, религию, искусство и литературу. Требуется определить основной концептуальный объем с точки зрения композиции этимологического и метафорического анализа, анализа словообразовательной репрезентации концепта, что предполагает выявление связей и отношений между лексемами, передающими его концептуальное содержание [20, с. 15]. С помощью анализа конкретных текстов (могут быть как художественные тексты, так и тексты, созданные обычными людьми, которые являются носителями языка) можно получить более глубокое представление о концепте и обоснование того, как концепты используются в соответствующих пространстве и времени, т.е. утверждается их динамическая сущность.

Вышеупомянутые исследования, их выводы и предложенную методику можно использовать в качестве основы для дальнейших исследований концептов.

Принципы и методы исследования

Методы исследования основаны на методике концептуального анализа и лингвокультурологической интерпретации активных процессов, принятой в Нижегородской концептологической школе [28, с. 11] и разработанной на базе принципов описания концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина [27]. В качестве метода концептуального анализа используем синтетический метод, сочетающий в себе: а) этимологический анализ слова — имени концепта; б) семантическая структура концепта (описание его

парадигматических и синтагматических связей); в) семантический анализ переносных значений слов-репрезентантов данного концепта; г) контекстуальный и статистический анализ, методы дискурсивного анализа текстов (художественных, публицистических, бытовых и пр.); д) сравнительно-сопоставительный анализ (на материале на русского, английского и китайского языков).

Анализ текстов носителей языка, выявляющих актуальное состояние языкового сознания, помогает понять причины и логику развития концептов — и в данной работе мы сосредоточимся на особенностях проявления концептов и изменениях отношения к ценностям в современном русском языке и культуре на материале концепта «любовь»: определяется концепт «любовь» и его составляющие по материалам толковых и этимологических словарей, экспериментальных ассоциативных словарей, делаются выводы об изменениях в восприятии любви в русскоязычной культуре на примере проявления любви (в контекстах разных периодов), включая авторские художественные тексты и тексты бытовой тематики. Слово *любовь* использовано в качестве образца для изучения феномена деривации значения, создания новых слов, словосочетаний и выражений в сетевой среде и их использования. Поскольку тема актуальна для сетевого поля, включим интернет-мониторинг в исследовательскую методику.

Таким образом, материалы исследования включают в себя: 1) энциклопедические источники; 2) основные русские толковые и этимологические словари, ассоциативные словари и данные экспериментов (анализ концептуального поля); 3) данные Национального корпуса русского языка; 4) данные собственного интернет-мониторинга (авторский).

Развитие современных коммуникативных жанров: от традиционных к новым моделям общения

Активное использование коммуникативного жанра как интегративной единицы соответствующих лингвистических дисциплин, особенно в коммуникативной лингвистике, связано с растущим в последние десятилетия интересом к изучению феномена коммуникации и многообразию его проявлений. В работах М.М. Бахтина можно проследить за обобщением представлений о речевом жанре [1, с. 242]: речевые жанры создаются опытом общения поколений, одновременно с распространением их содержания идет процесс диалога, соответственно, коммуникативные жанры не всегда закреплены за сферой общения, они «фиксируются самой культурой и маргинальными проявлениями общения за ее пре-

делами» [18, с. 283]. Согласно классификации и определению, данному исследователем, коммуникативный жанр — это «двусторонняя единица с устойчивым ментальным образом, канонической или стандартной моделью вербального и/или невербального воплощения ведущей интенции высказывания и реальной коммуникацией» [18, с. 237]. В модель коммуникативных жанров включаются как социальные, так и асоциальные коммуникативные факты, реализующие как горизонтальную — передачу современникам, так и вертикальную — передачу будущим поколениям. Трансляция антисоциальных коммуникативных фактов отличается от *институциональных* и *конвенциональных* и классифицируется как *маргинальная* [18, с. 283]. В результате глобализации многие коммуникативные жанры характеризуются признаками внутрикультурного и межкультурного общения.

С микродиахронической точки зрения, можно наблюдать появление сетевого дискурса как новой коммуникационной платформы/механизма коммуникации, произошла быстрая смена способов общения и выражения, принципиальной особенностью которого (на фоне традиционного текста) является его мультимодальность [16, с. 148]. Возникающие жанры в интернет-коммуникации развиваются, обновляются и даже итерируются с огромной скоростью: от ранних периодов блога, форума и электронной почты [22, с. 210] до актуального (текущего) периода — чат, жанр мгновенных сообщений, конференции, гостевые книги, *MUDs* (многопользовательская ролевая игра) [22, с. 211], а также более развлекательные и «вирусные» жанры: ролики, посты в социальных сетях и т.д. В то же время такие элементы, как мемы, широко изучаются как зарождающаяся интернет-коммуникация (или ее компоненты) [19, с. 54]. С учетом различных режимов работы социальных сетевых коммуникационных площадок, обусловленных теми или иными (намеренными или ненамеренными) факторами, наблюдается тенденция к использованию разных моделей взаимодействия на отдельных платформах и даже на схожих платформах у разных марок. Тем не менее, несомненно, что большинство современных и давно существующих тенденций в сетевом дискурсе привели к сдвигу в сторону более увлекательного мультимодального содержания. Среди заметных особенностей: новые структурные схемы усиления, отражающие современный редакторский менталитет (например, малые сюжетосодержащие дискурсивные формы цифровой коммуникации), минималистичность, разговорность, эмоциональность языка, его фрагментарность. Широкое распространение данного вида обусловлено низкой концентрацией внимания современного человека, в

том числе трудностями в восприятии длинных текстов, анализе полученной информации или поверхностным восприятием [8, с. 899].

Можно утверждать, что на восприятие носителей языка влияют новые коммуникативные жанры, в которых развиваются формы и тенденции проявления концептов и репрезентации традиционных ценностей. В качестве примера для исследования соответствующих фактов развития предлагаем концепт любовь.

Новое осмысление концепта

Русское слово *любовь* (любы — из общеславянского лексического фонда) первоначально было связано с представлением жажды (физиологическое проявление) как сильном желании пить. Ср. одно из современных значений слова — ‘сильное влечение к кому-либо или чему-либо’ [45]. История нового осмысления и семантического развития слова *любовь* в русском языке восходит к началу XI в., что совпадает с появлением христианских текстов на старославянском языке: слово получает новое осмысление под влиянием старославянского языка — носителя нового религиозного представления о мире, в котором главной ценностью становится Бог и вера в Бога. Таким образом, в сознании человека постепенно была закреплена связь двух важнейших понятий — *Бог* и *любовь* (Любовь есть любовь к Богу). Русское традиционное представление концепта *любовь* оказывается тесно связано с религиозными нормами: от «любви к Богу» к «мирской любви (между людьми)». Хотя концепт *любовь* и является одним из основных в структуре религиозно-культурного учения, порядок следования компонентов (например, «любовь» и «истина») по частоте употребления изменился. Результаты новейших исследований, посвященных анализу данных НКРЯ и опросов, показывают, что хотя концепт *любовь* (включая как прямое, так и косвенное его проявления, такие как жалость, сострадание, милосердие, милостыня и др., связанные с концептом *любовь*) остается в достаточно активном и значимом ряду и положении в дискурсе на религиозные темы, частотность употребления в последние годы значительно снизилась по сравнению с советским периодом [24, с. 59]. Встречается мнение, что в современном русском литературном языке религиозно-философское осмысление любви (любовь как христианская добродетель, приверженность Богу и ближнему) утратилось [12, с. 15]. Такая тенденция наблюдается в результатах ассоциативного эксперимента, проведенного в 2022 году, в котором носители русского языка назвали 238 полученных ассоциаций. Данные свидетельствуют о том, что базовой реакцией на концепт «любовь» является *забота* (12). И только одна реакция «иску-

пление» напрямую связана с религиозными намерениями. Среди ответов есть ряд слов, которые явно относятся к физическим отношениям: «объятие» (2), «поцелуй» (2), «интимность» (1) и «секс» (1).

Связь между любовью и ее физическим проявлением: взаимодействие понятий «любовь» и «секс»

Действительно, корреляция между любовью и сексом, т.е. проявление любви на физическом уровне, отражается в употреблении в речи. Слово «секс» появилось в русском языке не позднее 1921 г. [11, с. 145] как результат заимствования из английского, восходящего к латинскому слову «*sexus* (пол)» — первоначально означало «отделение», «рассечение», обозначает «всё то, что относится к половой жизни; сексуальность» [40]. Редко появлялось в 1930-е гг., и в течение следующих десятилетий (1937–1956) слово «секс» практически не встречается в советской печати. Потом слово появилось в статьях, критикующих западную буржуазную культуру, а в новостях его часто ассоциировали с преступностью, насилием, ужасом, алкоголем и наркотиками, и такое явление продолжалось до начала 1970-х гг. [11, с. 147–159].

В целом отношения любви и секса в советской литературе склоняются к противопоставлению: «— Глупая ты, пойми, любовь закрепощает, начинаются всякие мучения, то, сё, любовь — кабала, а секс — свобода... // — Да отстаньте, само слово-то какое гнусное, секс, секс!..» (М.М. Роцин, «Валентин и Валентина» / *Драматургия* (1970)). Сама идея связана с религиозным основанием русской лингвокультуры: целомудрие и чистота требуются от любви по религиозным традициям, страстная любовь — это то, что нужно «признать» (любовь как тайну), т.е. когда любовь происходит в ситуации бесконтрольности — это уже «преступление» [9, с. 68].

Позднее, под влиянием течений сексуальной революции на Западе и в других странах, постепенно произошло сближение понятий «любовь» и «секс», которое отражалось в текстах различных жанров (художественные тексты, драматические, тексты киносценариев и пр.): «...Любовь — это не только духовная общность, дружба, и так далее, это прежде всего взаимное физическое влечение, это страсть, это громкий и властный зов тела!» [Ленч Л., *Литературная газета* (1973).] «Выяснилось, что можно вслух заговорить о сексе, и в этом нет ничего позорного» [Строганова Н., *Комментарии к телепередаче «Взгляд»* (1988).]

Слово «интим» вошло в русский язык в 1970-е гг., но использовалось крайне редко; стало популярным в 1990-х гг. как эвфемизм слова «секс», которое долгое время связывали с негативными коннотациями

в общественном сознании. Впрочем, если обратиться к статистическим диаграммам в НКРЯ, то окажется, что в 1990-е гг. в составе материала корпуса наблюдается резкое увеличение частоты употребления слова «секс», пик активного использования которого приходится на период двадцатилетия после 2000-х гг. Даже с появлением мягких выражений, общая частота употребления слова «секс» ничуть не уменьшилась и больше присутствует в текстах нейтрального характера, а тема «частная жизнь» значительно чаще встречается в нехудожественных текстах, чем в других: в период после 1990-х гг. до 2019 г. доля текстов, в которых употреблялся непосредственно слово «секс», и тематика посвященная частной жизни, составила 38,7% (432 из 1115 нехудожественных текстов).

По результатам поиска в НКРЯ случайным образом выбранных для анализа текстов, где присутствуют слова «любовь» и «секс» одновременно, нам удалось выделить следующие группы точек зрения на соотношение этих двух понятий.

1. В обсуждении приоритета и значимости любви по сравнению с двумя концептами — «любовь» и «секс», выделяется слово-понятие *любовь* — в противопоставлении сексу, причем в ряде обсуждений различие между ними в большей степени выражается в духовном и физическом измерениях поиска:

«Но правда о жизни и правда жизни — любовь, а не секс.» [А. Д. Шмеман. *Дневники (1973–1983)*]. *Разве любовь — это секс? Или таким образом можно научить любви? // И самый главный совет автору письма: ищите не секс, а любовь.* [Владимир Шахиджанян. *1001 вопрос про ЭТО (№ 501–1001) (1999)*]. *Что же касается процитированного тобой замечания Чехова, то, конечно, любовь и секс — вещи принципиально разные. Любовь — это изначально присущее человеку стремление к идеалу, а секс — нечто вроде обеда, который необходим, но редко вызывает эстетические переживания.* [Александр Мелихов, Андрей Столяров. *Небесное и земное // «Октябрь», 2001*]. *Только вот жалко, что у мужиков любовь и секс часто два разных понятия (в отличие от женщин).* [Женщина + мужчина: *Психология любви (форум) (2004)*] *Секс — это секс, а любовь — это любовь.* [Евгения Горац. *Энтони // «Сибирские огни», 2012*].

2. Любовь и секс как совместные субъекты играют взаимодополняющие роли, и нейтрально даже положительно оценивает роль секса при этом.

«Семья здесь не разрушается, дети не отрываются от родителей. Любовь и секс не преследуются, если они не переходят в разврат и извращения» [А.А. Зиновьев. *Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998)*] *Так что любовь и секс — это не только чувство, но и лекарство. ...«Секс — еще не любовь, а любовь — не*

только секс. Но когда они приходят вместе — это что-то невероятное». [Юрий Безелянский. *В садах любви* (1993)]. Но этот закон тотален, он распространяется на те области, где норма уже не законодательна — в сферы желания и опыта, каковыми, в частности, являются и секс, и любовь, и, при определенных условиях, музыка. [О.В. Аронсон. *Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. III* (2007)] Для большинства из них **любовь** прежде всего **секс**. [Алена Браво. *Комендантский час для ласточек* // «Сибирские огни», 2012] (худ.)

3) Разграничивая два понятия, однако считают, что существуют представления о состоянии полного разделения между любовью и сексом. К ним относятся:

а) *любовь без секса, т.е. асексуальные формы и отношения: Широко, особенно на Западе, известна «асексуальность» русской литературы, «оттого, что ее тема — любовь, а не секс, Эрос, а не эротика»* [В.В. Абраменкова. *Половая дифференциация и сексуализация детства*. (2003) // «Вопросы психологии», 21.10.2003];

б) *представления о сексе, существующие в отсутствие любви: Секс без любви возможен, и он не менее сильно действует, чем любовь духовная.* [Лидия Иванова. *Искренне ваша грешница* (2000)]; *Если нет любви, секс представляется мне чем-то неэстетичным, некрасивым.* [Ольга Кабанова. *Рената Литвинова* // «Известия», 22.08.2001] *...секс насыщаем, а любовь не насыщаема.* [Александр Асмолов. *Симбиотическая пара* // «Знание — сила», 2003] [Аннушка] *Вместо намеков и взглядов — давай перепихнемся, вместо любви — секс.* [Форум: *Основной инстинкт* (2010–2011)]; *...секс без любви не для меня.* [Гузалия Ариткулова. *Контур*, (худож.) *выжженный на асфальте* // «Бельские просторы», 2018].

Под влиянием многочисленных факторов, описанных выше, отношения между любовью и сексом обсуждались и обсуждаются, и мнения расходятся, продолжают оставаться разнообразными и сегодня. Наблюдая за связью между понятиями «любовь» и «секс» в последние 20 лет, можно обнаружить, что, по сути, помимо двух смысловых установок «любовь — это секс» // «любовь и секс — это совершенно разные вещи», все виды взглядов более или менее переплетаются, иными словами, они не противоположны один другому, и оба представления в совокупности способны либо компенсировать друг друга, либо выполнять функцию дифференциации, которая чаще всего используется при представлении взглядов на сексуальную свободу или моральные ограничения. За этими установками обычно стоят типичные портреты языковых личностей. Например,

на форумах небольших групп с соответственно более малой посещаемостью остаются пользователи, которые негативно оценивают широкое использование таких понятий, как «секс» и «сексуальный/ая (= похвала)», и используют традиционные представления о истине и красоте и более ранние исторические факты, доказывая, что некие современные широко распространенные контенты и идеи неверны, считают это признаком «резкого падения нравов» [Сария Мамадова, «Слово секс в его современном понимании и употреблении» (2014)].

Хотя весь материал размещен в Интернете, такая объемная статья на форуме обладает меньшей способностью к распространению по сравнению с рекламой, публикациями в социальных сетях, короткими видео и другими жанрами, так как ее порог восприятия несколько выше. В условиях бесконтрольного развития нового жанра коммуникации относительно широкая пользовательская аудитория, активная среда, свобода самовыражения, рекомендательные и фильтрующие алгоритмы, а также коммерческое продвижение объединились в модель, которая может быстро распространяться за счет копирования текста друг друга, репостов и обсуждений, а также за счет переноса сообщения за пределы площадки. В этом случае вопрос о точности и достоверности информации становится другим процессом, который требует поиска и обнаружения. Тот факт, что любой пользователь может опубликовать информацию в соцсетях, приводит к тому, что размещение любых видов информации на сетевых платформах не требует научной и объективной точек зрения: в результате появилось множество фейковых сообщений и дезинформации. Такие аспекты, касающиеся дезинформации и неправильного цитирования, на самом деле уникальны не для сетевого жанра коммуникации, а для традиционных особенностей СМИ как типа дискурса, которые усиливаются и акцентируются в сетевой среде. Тем не менее через распространение такого «фейка» мы также можем проследить тенденцию у пользователей данного языка к составлению мнений об определенных явлениях и концептах.

Среди распространенных **фейковых сообщений** есть и типичный пример: с 1 по 4 октября 2023 г. русскоязычные фейсбук-аккаунты (*Elena Lachance*) опубликовали цитату, которая была посвящена американскому дипломату Генри Киссинджеру: «У нас был только секс, а у них (советских людей) была любовь. У нас были только деньги, у них была искренняя человеческая благодарность». Фраза на самом деле является вымышленной и впервые была опубликована российским сатирическим изданием *rapogama.pub* (15 октября 2018 г.) со следующим

заголовком: «Генри Киссинджер разочаровался в капитализме и назвал распад СССР “величайшим преступлением Америки”». Несмотря на то что сайт «Детектор мифов» сразу разместил разоблачение 5 октября 2023 г., этот фейк продолжал широко распространяться на русскоязычных платформах в Интернете после того, как им начали активно делиться в *Twitter*. Фальшивая история была создана с целью пародии и дезинформации, но количество цитат и ретвитов (6500 перепостов) показывает, что многие носители русского языка уверены и разделяют схожий взгляд на духовный и душевный поиск России за пределами Запада в СССР и даже ранее в своей истории и культуре. В России относятся к любви и страсти серьезно и уважительно. Они привыкли считаться с ними и привязывать их к множеству моральных норм, установленных в их культуре [9, с. 71]. Прежде всего, проясним, что в русской лингвокультуре еще значительная особенность данного концепта: как отмечает А.Д. Шмелёв, концепт *любовь* (глагол «любить») воплощает в себе как «высокую», так и «низкую» сферы: высокосферная *любовь* указывает на чувство субъекта к объекту *любви*, подчеркивая чувственные отношения. Употребление в низкой сфере указывает на то, что субъект обычно испытывает удовольствие от реализации ситуации [37, с. 170]. Таким образом, в русской культуре значительное число носителей языка воспринимают стремление к любви как постоянное и вечное (высокая сфера любви), превышающее физическое удовольствие и чувственную стимуляцию (низкая сфера любви). Это по-прежнему доминирующая ценность в нынешних условиях.

Хотя и говорится, что «секс без любви возможен», крайне редко встречается восприятие данной идеи как более сильной по сравнению с концептом *любовь*, включающим представление о душевных качествах. Однако вместе с тем следует обратить внимание на девальвацию и ослабление концепта *любовь* в восприятии носителей языка за счет применения парадигм и повторения специальных комбинаций. Свидетельства сходных явлений, обусловленных этой тенденцией, нетрудно обнаружить в рекламных текстах (в сетевом дискурсе в целом). Представление о любви получает в рекламном дискурсе активную связь с физическим аспектом, т.е. более низкую сферу соответствующего концепта временного опыта физического проявления: разница отмечена в предыдущем изучении, где концепт *любовь* используется в социальной рекламе, пропагандирующей семейное воспитание и служение обществу, где проявляются связи слова *любовь* с мыслью о Боге, вере и долге. К ним относятся религиозные учения о «любви к семье», «любви к ближнему», «любви к людям»

и т.д. В коммерческой рекламе акцент делается больше на физических аспектах и потребительских качествах жизни личности. Проявления концепта *любовь* на физическом уровне, т.е. ассоциации между любовью и сексом, могут использоваться в любом контексте, независимо от продукта или объекта продвижения [31, с. 100–101]. Сравнение показывает, что ряд используемых концептов имеет тенденцию переходить от высокого к низкой сферой использования и выражения. Помимо этого, есть и другой важный момент, который может быть подтвержден тем, что использование символов, которые могут представлять слово *любовь* как основной репрезентант концепта в сетевой среде дискурса, стремится к обыденности, повседневности и неформальности. Это касается и использования соответствующих элементов оформления в стикерах, в постах и даже в рекламе на сайте и в темах и тексте электронного письма [32, с.78].

Итак, в новых коммуникативных жанрах существующая связь между любовью и сексом уже не отрицается, а в той или иной форме выносится на обсуждение. Одним из важных факторов является то, что носители языка, участвующие в этих переговорах, в данном случае как адресанты, так и адресаты, испытывают заметные изменения ценностей: поощрение любовных отношений и конкретного опыта этих отношений, не избегая при этом секса и его дестигматизации, и в то же время не (или реже) отвергая традиционную ценность стремления к любви.

Любовь и семья: традиционные и новые представления о семейных отношениях

В процессе поиска и сравнения обнаружилось, что в начале XXI в., испытав влияние европейских/западных ценностей, встречаются дискуссии русской лингвокультуры на темы любовь-секс (т.е. подходы к физическому уровню) и в теме семейных отношений: *...Но основные которые питают — особенно женщин — это семья, дети, любовь, парность, секс. [Александр Клейн, «Пятое измерение», 2003]. Семья — конструируемая, создаваемая реальность; как мать в каком-то смысле «конструирует» ребенка, так и семью двое создают совместными усилиями и в семье — конструируют себя и друг друга. Наконец, постоянно путают любовь и секс. [Александр Асмолов, «Знание — сила», 2003] «Все идеи о фигуре 90-60-90, секс и любовь — понятия разные — пришли с запада в Россию, начиная с 1986 года, создание семьи законной без продления рода». [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)] ... фундамент — законный секс; а завитушка — любовь. А новая семья, говорят футурологи, напротив, будет сочетать сексуальную свободу с тщательнейшей за-*

ботой о детях [Евгения Пищикова. *Пятиэтажная Россия* (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

На самом деле такое сочетание появилось не случайно: в славянской мифологии, богиня Лада (первые истоки связаны с Лето в древнегреческой мифологии, которая ассоциировалась с белой лебедушкой [34, с. 99–102]) является богиней любви, брака, весны и плодородия. Все они символизируют согласие, радость и полноту жизни. Кроме того, и слово «ладно», и восклицание «лады!», и выражение «пойти на лад» [9, с. 71].

С точки зрения статистики, согласно данным НКРЯ, корреляция между словами любовь и брак по-прежнему сильна (*LogDice*: 8.26 [дата обращения данных: 6 мая 2024 года]). Кроме того, ассоциация между концептами любовь и семья прослеживается и в сознании носителей языка, так как три набора данных ассоциативных экспериментов 1998, 2011 и 2022 гг. показывают присутствие слов и описаний семьи и конкретных членов семьи в результатах реакций, связанных с любовью.

Таблица 1

Результаты опроса с использованием слова-стимула «любовь» на элементы семейных отношений [данные в таблице: частота реакции (процент частоты)]

Источники Реакции	Словарь Г.А. Черкасовой (2008) Годы опроса: 1998–2000	Словарь В.Е. Гольдина (2011)	Результат нашего эксперимента (2022)
семья	4 (0.67)	27 (2.41)	9(3.78)
мама/мать/ матушка	2 (0.34)	30+14+14 (5.18)	2(0.84)
родители	–	17(1.52)	3(1.26)
муж	–	12(1.07)	1(0.42)
ребёнок/дети	1(0.17)	8(0.71)	2(0.84)
дочь	–	4(0.36)	–
отец	–	3(0.27)	–
сын	1 (0.17)	1(0.09)	–

Связанные ассоциации включают следующие: объект/субъект любви в отношениях. Их частотность находится на базовом уровне. Кроме того, семейные ценности отражаются в отношениях внутри семьи как проявление любви (например, безусловная любовь, забота, уважение, взаимопонимание и другие ассоциации). В то же время прослеживается определенная тенденция к увеличению и изменению частоты соответствующих реакций. Причем связь семейных отношений с понятием любви также несколько менялась с течением времени. В советский период и ранее связь между любовью и семьей выражалась более прямым образом, и компоненты этой связи были более общими, выражались в традици-

онных семейных отношениях и традиционных культурных ценностях.

В популярном стихотворении русского поэта Константина Ваншенкина «Я люблю тебя, жизнь!» (1956 г.) есть такое утверждение: «Есть любовь у меня, / Жизнь, ты знаешь, что это такое. // Как поют соловьи, / Полумрак, поцелуй на рассвете. / И вершина любви / Это чудо великое — дети! // Вновь мы с ними пройдем, / Детство, юность, вокзалы, причалы. / Будут внуки потом, / Всё опять повторится сначала» [30, с. 594–595]. В стихотворении одухотворяется понятие жизни (в том числе и жизни интимной как физической близости: *полумрак, поцелуй на рассвете*), и именно по этой причине поэт подчеркивает: «чудо» и «вершина любви» заключается в продолжении существования — в детях. Такие же выражения широко используются в текстах современной музыки: «Не хотите — ну как хотите // Лично я так представляю рай... **Любовь, семья, дети...** Просто еще один жизни абзац» [*Horus. Любовь, семья, дети* (2022)], данная комбинация встречается нередко. Однако на основе широкого создания и распространения текстов песен, прославляющих детей, семью и любовь, и после развития упомянутого выше физического проявления любви, в последнее десятилетие в поп-музыке стали появляться случаи, когда дети становятся средством выражения близости, например, как это можно увидеть в тексте песни Натали со следующим текстом: «...я хочу от тебя сына. И хочу от тебя дочку, и точка, и точка!» [*Роза Зименс. О Боже, какой мужчина!* (2013)]. Наблюдаем здесь представления о том, что дети обозначают желание быть в отношениях с кем-то, а также в отношении любви, но больше, как ненаправленное артикулирование физических отношений. Аспект популярности и распространения массовой культуры доказывает, что у таких проявлений имеется или уже появилась значительная аудитория.

Подобные осмысления встречаются не только в русском языке, но и в массовой культуре носителей других языков. К примеру, в китайском сетевом дискурсе в течение последнего десятилетия широко разошлось выражение «生孩子/生猴子(рожать детей/обезьянок)», происхождение его не выяснено, но возникло на даньму видеосайтах¹ (т.е. видеосайт с всплывающими комментариями) и форумах. «我要给你生孩子 (я рожу тебе ребенка)» и форма омонима у слова «孩子 (ребенка)» — «猴子 (обезьянка)», которая носит более юмористический и ироничный характер, и широко используются для выражения любви и привязанности к определенным известным

¹ 弹幕视频网站 (даньму видеосайт/bullet-screen/comment); «弹幕 (даньму)» — на интернет-сленге означает «трансляции комментариев зрителей бегущими строками поверх видео»).

личностям или персонажам. Сходные выражения встречаются и в англоязычных культурах: в фэндоме (сообществе фанатов) выражение любви и тяги к определенным личностям или творческим персонажам обозначается через «*baby* (ребенок)», «*pregnancy/pregnant* (беременность)»: «*100% successful pregnancies (100-процентно успешная беременность.)*» “*since we all pregnant.. whose child are u'all having? i'm having X's child. (Раз уж мы все беременны... чей ребенок у вас? У меня будет ребенок от X.)*» [Комментарии реакции видеоролик, 2020].

Через такое «преувеличение» адресант достигает двойной задачи — передает свои положительные оценочные суждения об объекте и развлекает других участников дискуссии. Помимо юмористического или акцентированного стиля речи, в таких выражениях обычно подразумеваются два смысла: во-первых, выражение самого непосредственного примитивного желания, то есть желания отношений в низкой сфере чувств любви — на физическом уровне. Второе — это подтекст выражения желания создать интимные отношения и даже семью с объектом привязанности. Кроме того, столь же грубые и эксплицитные речевые формулировки обусловлены средой, в которой формируется новый коммуникативный жанр. Поскольку у интернет-пользователей отсутствует непосредственная среда общения, в комментариях при выборе слов они склонны к более экстремальным выражениям. В таком случае «дети» и «семья» становятся не только целью любви, которую нужно достичь, но и средством выражения желания, любви и привязанности.

Если описанный случай, вполне вероятно, является результатом специфики сетевой коммуникативной среды, то на образовательном и социальном уровнях наблюдается изменение семейных отношений и структуры, которые отражают ценностные и познавательные установки носителей языка: согласно исследованию «Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе», проведенному в 2013 г., по мнению русскоязычной молодежи, среди ключевых факторов стабильности семьи «Уважение и взаимопонимание между супругами» является наиболее важным фактором — данный пункт назвали более 80% респондентов. «Наличие детей в семье» как один из значимых критериев стабильности семьи также выбрали более половины респондентов [3, с. 69]. Кроме того, зарождалась и новая модель поведения семьи — эгалитарная [3, с. 71]. То есть со временем приоритетность ключевых факторов в семейных отношениях последовала за изменениями в ценностных ориентирах. Стоит также отметить, что в 2010-х гг. для российской молодежи самым важным ценностным моментом была

«семья» (на первом месте), а наличие семьи и детей считалось важным показателем жизненного успеха, в то время как ценность «любовь» была поставлена на девятое место, после работы и дружбы [3, с. 70].

В общем, такие изменения в ценностях отражаются на применении языков и восприятии носителей языка. Новые коммуникативные жанры — это лишь один из способов их становления и развития, а классические или новые платформы общения (соцсети) являются местами, где эти явления активно применяются.

Новые проявления любви и новые связи: современные коммуникативные жанры

Репрезентация концепта «любовь» в современной русской речи продолжает расти, демонстрируя свой подтекстовый и оценочный потенциал, развитие лексической и символической сочетаемости слова и его концептуальных реализаций. Например, расширяется использование символов сердца или стикеров, обозначающих любовь: эти невербальные символы активно используются для выражения общей благодарности, а также сильного интереса к определенным объектам.

Для анализа изменений, происходящих в современных коммуникативных жанрах, используем комбинацию материалов, включая рекламные объявления на сайтах, домашние страницы и форумы с комментариями. По мнению исследователей, которые перечисляли в качестве жанров веб-сайт домашнюю страницу, чат, каталог, коммерческое объявление, рекламные баннеры как гипержанр, связанный с электронными носителями, он определяет тот гипержанр как специфическим модусом бытования текста [13].

Новые лексико-семантические связи слова-понятия любовь

С точки зрения основного концептуального использования в современном русском языке положительный образно-ассоциативный потенциал слова «любовь» и его производных или однокоренных — «любить», «любовник», «любимый», «любята», «любимка» и т.д., которые широко используются при создании названий для предприятий, товаров, продуктов и торговых марок, активно фигурируют в качестве ключевых слов в рекламных кампаниях: магазин «Любитель», бар-ресторан «Любим суши», название блюда «Любимка», сувенир «Любимка сердце», сети интернет-магазинов «Любимый», детский развивающий центр под названием «Любята» и т.д.

Аналогичные изменения можно наблюдать в том, что понятие семьи активно применяется в рекламе

и маркетинге компаний [36, с. 126], а также наблюдается тенденция связывать его с темой любви. В последнем рекламном объявлении о трудоустройстве указано: «С нами по любви уже более 20 лет» и «Приходи за достойной зарплатой — оставайся по любви!» [Реклама. Работа во «Вкусно — и точка» по любви (2024)]. Радиоверсия этой рекламы также подчеркивает «семейную атмосферу» на рабочем месте. В данном контексте «любовь» и «семья» демонстрируют свои положительные ассоциации, связанные с устойчивостью отношений, уважением и заботой, а также принадлежностью к группе.

Кроме того, с учетом взаимосвязи между сексом и любовью, концепт «любовь» может быть отражен в ряде особых рекламных дискурсов и маркетинговых стратегий. Например, «Интим», «Точка любви» и др. названия магазинов для взрослых. Более того, такие магазины используют визуальные символы (часто встречающиеся сердечки), выражающие любовь, чтобы компенсировать чрезмерно прямое выражение. Например, под названием магазина есть сердечки, в которых написано число 24 (часов) или +18. Понятия *секс* — *интим* — *любовь* связываются в сознании по модели замещения и эквивалентности, иными словами — само слово *любовь* и знаки, отражающие его содержание, являются завуалированными или эвфемистическими выражениями секса (= *интим*). Присутствие других элементов, таких как упомянутые выше цифры и изображения, вызывает у получателя дополнительные сильные ассоциации.

Подобные ассоциации отражены и в новой платформе знакомств, например, в выборе доменного имени: социальная сеть для общения и знакомств под доменным именем *love.ru*. Это также особенность, присущая самому новому коммуникативному жанру, который может быть использован в различных ракурсах с учетом ассоциативных свойств концепта.

Наряду с закреплением и применением положительных признаков существуют и другие результаты влияния языковых ассоциаций. Например, чрезмерная сексуализация лексики, т.е. явление, когда при сочетании с определенным словом или символом сразу возникают ассоциации, связанные с сексуальным поведением. Подобные явления встречаются и в других лингвокультурных контекстах: в США компания под названием *The Love Leash*. Поскольку слово *leash* также связано с поводками, сам ошейник часто ассоциируется с секс-работниками или определенными фетиш-группами. В результате, когда он используется в сочетании со словом «*love* (любовь)», возникают ложные ассоциации, и покупатели часто оказываются в ситуации, когда, увидев продукт и название компании, им необходимо объяснение относительно продукции. На сайте (<https://theloveleash.com/>)

прилагается не только инструкция, но и дополнительные объяснения: «*Encased in a heart-shaped box, this leash... allowing two people to walk (the pet) together with ease and harmony. — Заключенный в коробку в форме сердца, этот поводок позволяет двум людям легко и гармонично выгуливать (домашнего любимца) вместе*»). (Перевод наш. — Су Х.) (То есть 'гулять вместе, при этом выгуливая домашнего питомца'.) В телеинтервью сотрудник говорит, что часто возникает недопонимание, потому что подобное словосочетание (*a heart-shaped box*) сильно сексуализировано (*highly sexualised*).

Новые лексико-фразеологические связи слова *любовь* — и новые акцентные смыслы концепта

Действительно, в регулируемой интернет-среде слово «любовь» активно используется и даже закрепляется в словосочетаниях как равноценная замена сексу наряду с другими элементами (слово *интим*), даже с некоторыми эмодзи, например, «любовь по телефону», «любовь втроем» в смысле «секс по телефону» «секс втроем». В плане фразеологического расширения появились новые актуальные выражения для обозначения отношений и ролей в этих отношениях. Рассмотрим их с точки зрения номинативных сочетаний слов и аббревиатур и наблюдаем, что в конкретных словосочетаниях обозначает «любовь» или указывает на форму отношений, на состояние отношений любви. К примеру, как в словосочетании «любовь втроем», которое отражает новый тип отношений — это форма взаимоотношений, при которой три человека живут вместе и имеют физические отношения друг с другом. Такие отношения являются одной из возможных форм группового брака, известной (в русскоязычной среде) как «шведская семья» [35, с. 6]. В традиционном обществе такие отношения по закону не признаются семейными, имеют место только в поле неофициального общения. Феномен представлен в таких русскоязычных произведениях литературы 1920-х гг., как «Зависть» Ю. Олеши, «Любовь пчёл трудовых» А.М. Коллонтай, кинофильм «Третья Мещанская» («Любовь втроем» — советская мелодрама 1927 г.). Согласно данным корпуса и интернет-мониторинга, выражение часто используется в дискуссиях на тему анализируемых художественных произведений или при обсуждении повседневных светских отношений: *А в начале программы ведущие объявили очередной и как всегда бредовый интерактивный опрос: «Познали ли вы радость любви втроем?» Варианты ответов: «Да», «Нет», «Вчетвером». [ТВ познается в беде. Телнеделя с Ириной Петровской (2002) //*

«Известия», 16.08.2002]; *Любовь втроем*, впрочем, несколько не поколебала основ ее глубокой веры. [К.Л. Селиверстов. 12 с половиной, или *Моя жизнь в чистом искусстве* // «Волга», 2011]; В оттепельном искусстве появился новый взгляд на проблему вынужденной «любви втроем» (подробнее см.: Литовская, Созина 2004: 283). [Н.Б. Лебина. *Мужчина и женщина Тело, мода, культура. СССР — оттепель (2014)*]; Они называли свой союз „*любовью втроем*“ и утверждали, что в любви не может быть ревности». [Асса Новикова. *Работать, строить и не ныть. Как советская культура формировала представление о женском счастье (2019.03)*].

Кроме того, для обозначения сходного типа отношений используется словосочетание «свободная любовь»: «Уверяет, что у вас чудесные отношения, о других и мечтать не стоит. *Свободная любовь* и никаких обязательств. Мысль о детях приводит его в ужас.» [Татьяна Иванова. *Он не звонит (2002)* // «Семейный доктор», 15.04.2002]. В результате — негативное отношение к институту брака, культ *свободной любви*, вызов семье и семейным нормам. [Т.К. Ростовская, Н.А. Ростовская. *Роль массовой коммуникации в социализации молодежи и молодых семей* // «Информационное общество», 2014]. «Традиционное супружество вытесняет новая форма внебрачных отношений — сожительство, увеличивается число разводов, процветает *свободная любовь*.» [Кенан Малик, Люся Ширишова. «Я — синглтон». *Почему людям для счастья больше не нужны отношения (2019.03)*].

В данном случае описанные отношения можно свести к «полиамурным». Термин «полиамория» используется для описания модели отношений, в которой человек может иметь интимные отношения с несколькими людьми, и эти отношения могут включать в себя любовь, обязательства и близость [2, с. 146]. Брак в иной форме, чем моногамия, считается аморальным и греховным доминирующей религией в России — православной церковью. Так что в моральном плане подобные отношения часто противоречат традиционным ценностям. По статистике, среди людей, считающих себя состоящими в полиаморных отношениях, преобладают атеисты и так называемые саентологи [25]. Плюралистическая любовь и традиционные религиозные институты находятся практически в оппозиции друг к другу — между ними практически нет возможных точек соприкосновения. При многосторонней (нетрадиционной) модели новых отношений подрывается реляционная ценность понятия любви, смысл которой (в традиционном понимании) заключается в верности, ответственности, заботе и т.д. «Свобода» в этом контексте противопоставляется «рабству», которое в данном контексте представляет собой нормы мора-

ли и ответственности в традиционном семейном быту. В значительной степени формирование норм и правил для таких групп, находящихся в «серой» зоне, «осуществляется в поле интернет-сообществ, которые выполняют функцию “стартовой площадки”» [2, с. 154]. Таким образом, несмотря на социальные отношения таких неосновных, малых сообществ, явление оставляет следы в языке.

Согласно нашему обзору, развитие концепта простирается от любви к Богу, утратившей религиозно-философские коннотации и по умолчанию ставшей светской, до нынешнего расширения аллегорического применения любви для частого обозначения предпочтения той или иной вещи. Проявлениями этого являются расширение семантического объема и ассоциативного ряда, ослабление сакральной ауры концепта — восприятия любви как тайны, в которую посвящены только два человека.

Заключение

Активное развитие новых жанров и трансформация жанров современной коммуникации существенно изменили способы получения информации и её представления. В результате социум естественным образом разработал новые форматы общения и адаптировался к условиям их применения. Средства коммуникации и контексты, в которых она происходит, стали более свободными, а слова и ассоциации, применяемые в общении и взаимодействии, стали фиксировать социальную оценку и восприятие того или иного объекта на аксиологическом уровне.

Что касается концепта «любовь», исследуемого в данной работе, то произошли определенные изменения. Анализ новых явлений в языковой репрезентации концепта «любовь» на уровне лексико-семантических и лексико-фразеологических изменений показывает, что при признании «высокого» уровня любви также активно развивается осознание её «низкого» уровня — физической стимуляции. Это включает в себя обсуждение связи между любовью и сексуальностью в процессе общения. Представлены существующие семантического взаимодействия между понятиями «любовь» и «секс». Тем самым подтверждается происходящая в массовой культуре смена ценностных ориентаций: стремление к традиционной ценности любви сопровождается поощрением любовных отношений и конкретного опыта этих отношений, а также постепенной дестигматизацией их взаимосвязи.

В обществе создаются новые модели семейных отношений, когда в дополнение к традиционным и доминирующим формам семьи появляются новые формы отношений, что на языковом уровне отражается и фиксируется в типичных выражениях, опи-

сывающих такие типы отношений и репрезентирующих новые ценности. В этом случае слово *любовь* приобретает новое смысловое представление и воспринимается как радикальная замена и эквивалент слова *секс*. В новых контекстах, актуализированных новыми жанрами интернет-коммуникации, слово *любовь* в новых синтагматических связях, приобретает форму выражения, противоречащую его традиционному значению, в связи с чем верный и святой смысл концепта размывается — и в нем проявляются нетрадиционные гедонистические и иные ценностные установки.

С развитием новых моделей коммуникации формы проявления и восприятия ценности «любовь» претерпевает изменения в соответствии с актуальными социо- и лингвокультурными условиями.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 237–280.
2. Ваторопин А.С. Процесс институционализации полиаморов как социальной группы [Текст] / А.С. Ваторопин, Е.Н. Миронова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2021. — № 5. — С. 145–156.
3. Верещагина А.В. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе [Текст] / А.В. Верещагина, М.М. Шахбанова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2013. — № 50. — С. 65–71.
4. Воркачев С.Г. Антипод любви в языке: семантика и грамматика ненависти [Текст] / С.Г. Воркачев // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сборник статей IX Международной научно-практической конференции (13 мая 2021 года) / науч. ред. Е.А. Соболева; ответст. ред. Н.В. Паперная, Е.П. Ковалевич. — Армавир: Изд-во АГПУ, 2021. — С. 10–14.
5. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. — Волгоград: Перемена, 2003. — С. 189–208.
6. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. — М.: Гнозис, 2007. — 285 с.
7. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. — Краснодар: техн. ун-т Кубан. гос. ун-та, 2002. — 142 с.
8. Воякина Е.Ю. Малые сюжетосодержащие дискурсивные формы цифровой коммуникации: определение и характеристики [Текст] / Е.Ю. Воякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 3. — С. 893–900.
9. Головановская М.К. Культурологические особенности русского любовного признания [Текст] / М.К. Головановская // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2020. — № 2. — С. 66–75.
10. Демичева Ю.В. Семантическое единство «ЛЮБОВЬ — РАВНОДУШИЕ — НЕНАВИСТЬ» в фанфикшн (на материале русского и английского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Демичева. — М., 2024. — 288 с.
11. Душенко К.В. «В СССР секса нет»: о понятии 'секс' в советской культуре [Текст] / К.В. Душенко // Вестник культурологии. — 2022. — № 3. — С. 141–157.
12. Иванова И.А. Концепт ЛЮБОВЬ и его концептосфера в истории русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Иванова. — М., 2006. — 25 с.
13. Капанадзе Л.А. Структура и тенденции развития электронных жанров [Электронный ресурс] // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». — 2002. — № 21. — URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202107> (дата обращения: 18.06.2024).
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2002. — 389 с.
15. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — С. 75–80.
16. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика [Текст] / А.А. Кибрик // ред. Ю.И. Александров, В.Д. Соловьев / Когнитивные исследования. — Вып. IV. — М.: ИП РАН. — С. 134–152.
17. Колесов В.В. Концептология [Текст]: учеб. пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 2012. — Вып. 16. — 248 с.
18. Константинова А.Ю. В поисках теории коммуникативного жанра: сборник трудов конференции [Текст] / А.Ю. Константинова // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 4 дек. 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.] — Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. — С. 236–238
19. Крылов Ю.В. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) [Текст] / Ю.В. Крылов, Т.И. Стексова // Жанры речи. — 2020. — № 1. — С. 53–61.
20. Макшанцева А.Л. Смысловое наполнение и языковое воплощение концепта «удача» в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Макшанцева. — Нижний Новгород, 2021. — 26 с.
21. Милованова М.С. Рецензия на коллективную монографию «Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии» (Маркова Е.М., Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В., Ручина Л.И. и др. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 217 с.) [Текст] / М.С. Милованова // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 3. — С. 609–613.
22. Нашхоева М.П. Типология жанров интернет-коммуникации [Текст] / М.П. Нашхоева // Вестник науки. — 2023. — Т. 4. — № 1. — С. 206–212.
23. Пименова М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) [Текст] /

- М.В. Пименова // Гуманитарный вектор. — 2017. — № 5. — С. 13–22.
24. *Полетаева Т.А.* Ретроспективная динамика православных русскоязычных концептов в социально-коммуникативном контексте [Текст] / Т.А. Полетаева // Современная коммуникативистика. — 2023. — № 5. — С. 55–62.
25. Полиамория. Социологическое исследование Russian Field. — URL: <https://russianfield.com/projects/poliamoriya.html> (дата обращения: 10.04.2024).
26. *Попова З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
27. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. — 314 с.
28. *Радбиль Т.Б.* Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира [Текст] / Т.Б. Радбиль // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2017. — Т. 13. — С. 107–115.
29. *Самситова Л.Х.* Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация [Текст] / Л.Х. Самситова, Г.М. Байназарова // Вестник Башкирск. ун-та. — 2014. — № 4. — С. 1373–1377.
30. Советская поэзия. В 2 тт. Библиотека всемирной литературы. Серия 3. / Ред. А. Краковская, Ю. Розенблюм. — М.: Художественная литература, 1977. — 912 с.
31. *Су Х.* Любовь как ценность в рекламном дискурсе [Текст] / Х. Су // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник статей X Междунар. науч.-практ. конф. — Калининград: Полиграфичъ, 2022. — С. 100–101.
32. *Су Х.* Символические образы любви в мультимодальном тексте [Текст] / Х. Су // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник статей XI Междунар. Науч.-практ. конф. — Калининград: Полиграфичъ, 2023. — С. 77–79.
33. *Теркулов В.И.* Типология сокращенных конструкций аббревиатур / В.И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 3. — С. 127–133.
34. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя [Текст] / О.Н. Трубачев. — М., 1959.
35. *Хоменко И.А.* Современная семья: состояние и перспективы развития [Текст] / И.А. Хоменко // Universum: Вестник Герценовского университета. — 2011. — С. 5–10.
36. *Чжан Ц.* Семантическое наполнение концепта «семья» в русской языковой картине мира и его языковая объективация в современной русской речи [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ц. Чжан. — М., 2022. — 182 с.
37. *Шмелёв А.Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю [Текст] / А.Д. Шмелёв. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
- Словари**
38. *Гольдин В.Е.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. [Текст] / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. — 478 с.
39. *Горшкова Т.М.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки [Текст] / Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6-2. — С. 130–135.
40. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc> (дата обращения: 17.04.2024).
41. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов [и др.]. — М.: РАН, Институт русского языка, 1994. — 211 с.
42. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. Кубряковой. — М., 1996.
43. *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. — М., 2016. — 779 с.
44. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ozhegov.info/slovar> (дата обращения: 27.05.2024)
45. *Семенов А.В.* Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. Изд. «ЮНБЕС» / Т.Е. Савицкая. — М., 2003. [Электронный ресурс]. — URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov> (дата обращения: 27.03.2024)
46. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001. — 990 с.
47. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект. — 2004. — С. 42–67.
48. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов и понятий [Текст] / Т.В. Жеребило. — 6-е изд., испр. и доп. — Назрань: Пилигрим, 2016. — 610 с.
- References**
- Bakhtin M.M. The problem of speech genres. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, ART publ., 1979, pp. 237–280.
 - Vatoropin A.S., Mironova E.N. The process of institutionalisation of polyamorists as a social group. Bulletin of Surgut State Pedagogical University publ., 2021, no. 5, pp. 145–156. (In Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2021.61.73.008
 - Vereshchagina A.V. Formation of new family values and relations in modern Russian society. Bulletin of the Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 2013, no. 50, pp. 65–71.
 - Vorkachev S.G. Antipode of love in language: semantics and grammar of hatred / Actual Problems of Linguistics and Linguodidactics in the context of intercultural communication: collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference (13 May 2021) / main editor E.A. Soboleva; responsible editors: N.V. Papernaya, E.P. Kovalevich. Armavir: RIO AGPU, 2021, pp. 10–14. (In Russian).
 - Vorkachev S.G. Concept of love in Russian language consciousness / Communicative Studies 2003: Modern Anthology. Volgograd: Peremena, 2003, pp. 189–208.
 - Vorkachev S.G. Love as a linguocultural concept. Moscow: Gnosis, 2007. 285 p.
 - Vorkachev S.G. Concept of happiness in Russian language consciousness: linguocultural analysis. Krasnodar: Technical University KubSTU Publ. 2002. 142 p.
 - Voyakina E.Y. Small Plot-Containing Discursive Forms of Digital Communication: Definition and Characteristics. Philological Sciences. Voprosy teorii i praktika. 2023, vol. 16, issue. 3, pp. 893–900. (In Russian). DOI: 10.30853/phil20230146
 - Golovanivskaya M.K. Cultural peculiarities of Russian love confession. Journal "The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication", 2020, vol. 2, pp. 66–75. (In Russian).
 - Demicheva Yu.V. The Semantic unity 'LOVE-RAVOLUTION-HATE' in fanfiction (on the material of Russian and English languages) Dokt. Diss. Moscow, 2024. 288 p.
 - Dushenko K.V. "There is no sex in the USSR": about the concept of 'sex' in Soviet culture. Moscow, Vestnik kulturologii. 2022, no. 3, pp. 141–157. (In Russian). DOI: 10.31249/hoc/2022.03.09
 - Ivanova I.A. The concept of LOVE and its conceptsphere in Russian language history: Author's abstract of Dokt. Diss. Moscow, 2006. 25 p.
 - Kapanadze L.A. Structure and tendencies of development of electronic genres / Russian language. Appendix to the newspaper 'First September'. 2002. No. 21. Available at: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202107> (accessed: 18 June 2024).
 - Karasik V.I. Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: GNOSIS, 2002. p 389 c.

15. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Linguocultural concept as a unit of research / Methodological problems of cognitive linguistics: Collection of scientific works / Edited by I.A. Sternin. Voronezh, Voronezh State University, 2001, pp. 75–80.
16. Kibrick A.A. Multimodal linguistics / Y.I. Aleksandrov, V.D. Soloviev (eds.) / Cognitive Studies. Vol. 4. Moscow. IPRAS publ., pp. 134–152. (In Russian).
17. Kolesov V.V., Pimenova M.V. Conceptology: textbook. Kemerovo, Kemerovo State University, 2012. Vol. 16. 248 p. (Ser. Conceptual Studies).
18. Konstantinova A.Yu. In search of the theory of communicative genre: a collection of conference proceedings / Priority directions of development of science and education: materials of the VII International scientific-practical conference (Cheboksary, 4 December 2015) / edited by O. N. Shirokov [et al.] Cheboksary: Centre for Scientific Cooperation 'Interactive Plus', 2015, pp. 236–238. (In Russian).
19. Krylov Y.V., Steksova T.I. New genres of Internet communication (on the example of demotivator and meme). Genres of speech, 2020, no. 1, pp. 53–61.
20. Makshantseva A.L. Semantic filling and linguistic embodiment of the concept 'luck' in Russian language. Author's abstract of Dokt. Diss. Nizhny Novgorod, 2021. 26 p.
21. Milovanova M.S. Review of the collective monograph 'Linguocognitive Aspects of the Study of National Concept Spheres in Synchrony and Diachrony' (Markova E.M., Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Ruchina L.I. et al. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky NNGU Publishing House, 2020. 217 p.) / Communicative Studies. 2021, vol. 8, no. 3, pp. 609–613. (In Russian).
22. Nashkheeva M.R. Typology of genres of Internet communication. Scientific Journal Vestnik nauki, 2023, vol. 4, no. 1, pp. 206–212.
23. Pimenova M.V. Conceptology at the Present Stage (Methods of Investigation of Conceptual Structures). Humanitarian Vector 12(5), 2017, pp. 13–22. (In Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22
24. Poletaeva T.A. Retrospective Dynamics of Orthodox Russian-language Concepts in Social Communicative Context. Sovremennaya kommunikativistika [Modern Communication Studies]. 2023, vol. 5, pp. 55–62. (In Russian).
25. Polyamory. Sociological study Russian Field. Available at: <https://russianfield.com/projects/poliamoriya.html> (accessed 10 April 2024).
26. Popova Z.D., Sternin I.A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki, 2001. 191 p. (In Russian).
27. Popova, Z.D. Cognitive linguistics [Text]. Moscow, 'AST' publ., Series Vostok – Zapad [East – West], 2007. 314 p.
28. Radbil T.B. Cultural appropriation of borrowings in the light of the theory of linguistic conceptualization of the world. Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, 2017, vol. 13, pp. 107–115.
29. Samsitova L.H., Baynazarova G.M. The idea of concept in linguoculturology: history of development, structure, classification. Scientific Journal Bulletin of Bashkir University. 2014, vol. 4, pp. 1373–1377. (In Russian).
30. Soviet poetry. In 2 vol. Library of World Literature. Series 3. Editors A. Krakovskaya, Y. Rosenblum. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura publ. [Literature publ.], 1977. 912 p.
31. Su H. Love as a value in advertising discourse. Humanitarian technologies in the modern world: Collection of articles of the X International scientific and practical conf., Kaliningrad, Poligrafych, 2022, pp. 100–101. (In Russian).
32. Su H. Symbolic images of love in multimodal text. Humanitarian technologies in the modern world: Collection of articles of the XI International scientific and practical conf., Kaliningrad, Poligrafych, 2023, pp. 77–79. (In Russian).
33. Terkulov V.I. Typology of abbreviated constructs of abbreviations. Publishing House of Volgograd State Pedagogical University, 2015, vol. 3, pp. 127–133.
34. Trubachev O.N. History of Slavic Terms of Kinship and some ancient terms of social order. Moscow, Academy of Sciences of the USSR publ., 1959. 212 p.
35. Khomenko I.A. Modern family: state and prospects of development. St. Petersburg, Universum, Vestnik of Herzen University, 2011, pp. 5–10.
36. Zhang Q. Semantic filling of the concept 'sem'ya' ('family') in the Russian linguistic picture of the world and its language objectivation in modern Russian speech. Dokt. Diss. Moscow, 2022. 182 p.
37. Shmelev A.D. Russkaja jazykovaja model' mira. [Russian language model of the world]. Moscow, Languages of Slavic culture publ., 2002. 224 p.

Dictionaries

38. Goldin V.E. Russian associative dictionary: associative reactions of students in 1-11 grades: in 2 vol. Saratov, Saratov State University named after N.G. Chernyshev, 2011. 478 p.
39. Gorshkova, T.M., Ruchina, L.I. Dictionary of the combined type as a way of lexicographic description of the conceptsphere of the Russian folk tale. Vestnik of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University, 2011, vol. 6-2, pp. 130–135.
40. Evgenieva A.P. Dictionary of the Russian language: In 4 vol. RAS, Institute of Linguistic Research; ed. by A.P. Evgenieva. 4th ed. Moscow, 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc> (accessed 17 April 2024).
41. Karaulov Yu.N. et al. Russkii associativnyi slovar [Russian associative dictionary]. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, 1994. 211 p.
42. Concise dictionary of cognitive terms. Under general edit. E.S. Kubryakova. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1996.
43. Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutskeya N.M. Bol'shoy Universal'nyy Slovar' Russkogo Yazyka [The Big Universal Dictionary of the Russian Language]. ed. by V.V. Morkovkin. Moscow, Pushkin State Institute of Russian Language, 2016. 779 p.
44. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p. Available at: <https://ozhegov.info/slovar> (accessed 27 May 2024).
45. Semyonov A.V. Etymological dictionary of the Russian language. Russian language from A to Z. Moscow, UNWES Publ., 2003. Available at: <https://lexicography.online/etymology/semyonov> (accessed 27 March 2024).
46. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow, Academic Project, 2001. 990 p.
47. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. [Constants: Dictionary of Russian Culture.] 3rd, rev. edition. Moscow, Academic Project, 2004, pp. 42–67.
48. Zherebilo T.V. Dictionary of Linguistic Terms and Concepts. [6th edition]. Nazran, Pilgrim, 2016. 610 p.